

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПОХОРОННОЙ ПОЭЗИИ ЛАКЦЕВ

Б. М. Алиева

*Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы
Дагестанского научного центра Российской академии наук*

Поступила в редакцию 20 марта 2014 г.

Аннотация: в статье исследуются гендерно-обусловленные релевантные стереотипы при описании образов усопших, учитывается выбор лексических средств в момент причитания, более того, значимым является степень родства причитающего по отношению к усопшему. Представленный материал подтверждает тот факт, что языковая картина в похоронной поэзии лакцев имеет достаточно широкий лексико-семантический пласт с точки зрения гендера. Использование большого количества положительно окрашенных гендерно-маркированных дескриптивных единиц при оплакивании усопшего, а также метафорических конструкций в полной мере раскрывает исторический и культурный образ человека, определяет его положение в метагендерном пространстве.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, похоронная поэзия, лакский язык, плач, усопший, мужчина, женщина.

Abstract: in this paper we investigate gender-based relevant stereotypes when the deceased is described; we take into account the choice of lexical items when one is wailing; moreover, the degree of relationship to the deceased is also significant for the investigation. The investigated material confirms the fact that the linguistic picture in the funeral Lak poetry has a wide lexical-semantic layer from the point of view of gender. There is a large number of positive gender-marked descriptive units when the deceased is mourned, as well as metaphorical structures, which fully disclose the historical and cultural image of the person, determine his/her position in metagender space.

Key words: gender stereotypes, funeral poetry, Lak language, mourning, deceased, man, woman.

Обрядовая поэзия, как система художественных и эстетических ценностей, является наиболее древним пластом народной лирики. Поэтому в ней лучше и полнее сохранилось все, что связано с мировидением, мироощущением, мировоззрением народа, его обряды, обычаи, традиции, в целом его этническое лицо. И по этой причине она является незаменимым материалом для изучения жизни народа, его трудовой деятельности и духовной культуры, своеобразия эволюции художественного мышления и эстетических потребностей [1, с. 2].

Причитания известны в истории народов достаточно давно. Еще в Древней Греции в Афинах обряды похорон великих мужей – основателей городов и полководцев – сопровождалась оплакиванием [2].

Известны труды многих поколений исследователей семейно-обрядового фольклора Сибири и Дальнего Востока, начиная с 30-х гг. XIX в. Представлены традиции всех регионов азиатской части России от Зауралья до Дальнего Востока [3, с. 6].

Особенность мордовских причитаний, плачей в том, что в каждом селе или их группе – свой типовой напев, символизирующий горе. Более того, в причи-

таниях, плачах, как и в других жанрах мордовского фольклора, сложилась развитая система художественно-выразительных средств [4].

Говоря об общности похоронных плачей на Кавказе, П. К. Услар [5, с. 154] в середине XIX в. писал: «Похоронные плачи на целом Кавказе представляют общий характер. Смерть всегда упрекается в том, что она прервала великолепную и благополучную жизнь, хотя бы в действительности эта жизнь была преисполнена горя».

В частности, дагестанским плачам не характерны длинные повествования о переживаниях близких, детальное описание трагических ситуаций, а также подробное перечисление всех черт характера умершего, как это имеет место в русских плачах [6, с. 50].

Несомненно, комплексный подход к изучению обрядовой поэзии выдвинут на первый план в фольклористической науке. Более того, изучение обрядовой поэзии на современном этапе предполагает раскрытие образа человека, его духовного мира. В настоящей статье мы попытаемся через словесный текст, сопровождающий обряд, отследить гендерно-обусловленные релевантные стереотипы при описа-

нии образов усопших, будет учитываться выбор лексических средств в момент причитания, более того, значимым является степень родства причитающего по отношению к усопшему. Данное исследование представляет собой определенную ценность для лакского и общедагестанского языкознания в целом, поскольку это новый подход к изучению фольклорных текстов с точки зрения гендерной лингвистики. Объектом для анализа послужила поэзия скорби лакцев, представляющая собой уникальный кладезь информации о древних традициях лакского народа, его душевных переживаниях, национальном укладе. Ведь действительно, только в момент утраты близкого человека через эмоциональный всплеск раскрывается четкое и правдивое отношение к усопшему, выявляются все его положительные стороны. Мы полагаем, что данный жанр устно-поэтического творчества имеет ярко выраженный гендерный характер, и это подтверждается тем, что тематически плачи можно разделить на следующие группы, циклы: плачи по сыну, дочери, брату, отцу, сестре, дяде, тете, бабушке, невестке, подружке и т.д. [7, с. 6]. При анализе похоронно-обрядовой поэзии особое внимание будет уделяться плачам, в которых наиболее ярко маркируется гендерный фактор.

Изучая похоронную поэзию лакцев, стало очевидно, что в количественном отношении преобладают плачи матери по сыну (арс ивк1у ниттил зума). Данный пласт лексики в содержательном плане представлен наиболее глубоко и эмоционально. Так, в своем плаче мать называет сына *ххира арс* – любимый сын; *авзисса арс* – милый сын; *ттул жан* – моя жизнь; *ттул хъус* – мое богатство. Довольно подробно передается традиционнo устоявшаяся форма одежды мужчины (сына), например: *бак1рай ссуник1урттул кьяпа* – на голове каракулевая шапка; *ччаннай кьирин чакмарду* – на ногах офицерские сапоги; *чурххай щамахлив ккуртту* – на теле шемахлинский бешмет; *лялу ариул ххаржан дакьайсса* – на поясе серебряный кинжал красиво смотрится. Профессиональные и творческие способности сына выражаются следующими положительно окрашенными лексическими средствами: *ттул хъурссуху авкъусса* – и за плугом красивый; *яттич1агу авурсса* – и при пастьбе овец тоже привлекательный; *миц1к1иссурттай кьавт1алай* – танцор на цыпочках; *балайлул дус* – любитель песен; *чяяргу дирисса ияв* – быстрее лошади был; *чару личингу усттар ияв* – и мастером метать камни был; *ярагъуннил усттар* – мастер по оружию. В исследуемых фольклорных текстах встречаются также сравнения, в частности, в плачах, где мать сравнивает сына с солнцем: *савний баргъ куна* – как солнце в небе. Важно отметить, что глубина чувств матери по

отношению к сыну крайне проникновенно и гиперболично выражена следующими дескриптивными единицами:

<i>Ттул гьаржелул хъун ххазинай, арс!</i>	Большое сокровище моего сундука, сын!
<i>Ттул тавханттул хъун тталайявхха, арс,</i>	Несущее бревно моей гостиной, сын...
<i>Ттул янил чанигу, чурххал дигъалагру инаяв, арс.</i>	Свет моих очей, покой моего тела – ты, сын.
<i>Ттул умудгу, оьрмугу, ххаришивугу инаяв, арс.</i>	Моя надежда, жизнь, радость – ты, сын.

Важно также добавить, что довольно метафорично представлены плачи по маленькому ребенку (ч1ивисса ивк1усса оьрч1ахасса зума), в которых используются ласковые формы обращения к ребенку: *янил чаний* – свет очей; *жул аьнак1ул оьрч1* – наш цыпленок; *жул кьахъунттул буцигу* – с походкой куропатки; *жул дик1ул дак1* – наше сердце; *жул ч1имуч1алигу, ч1елмугу* – наша бабочка и птичка. Более подробное исследование по изучению ласковых форм обращения к ребенку описано в работе Б. М. Алиевой и Х. М. Халилова [8, с. 101], в которой представлен сопоставительный анализ исследуемого лексического пласта в разноструктурных языках, выявляющий лексико-семантические особенности их употребления в гендерной перспективе.

Как мы уже отмечали выше, оплакивая усопшего, как правило, упоминаются только добрые, положительные черты характера и поведения человека. В этой связи важно добавить, что, оплакивая сына, мать восхваляет его человеческие качества следующими дескриптивными единицами: *ччиччиний мот1ийну ац1ай арс* – послушный во всем сын; *кьянкьяну ччаннай ац1ай арс* – твердо на ногах стоящий сын; *жя-матравугу, халкъуннавугу бусравсса* – в джамаате, среди людей уважаемый; *кьатта буц1ин бай арс* – сын, наполнявший дом.

Неотъемлемым атрибутом фольклорных текстов, несомненно, является метафора, передающая характер и внешний облик героев через образы животных, птиц, явлений природы и т.д. В этом смысле интересными, на наш взгляд, являются следующие примеры: *ттул зунттал бюрний* – мой горный олень; *ттул аслан* – мой лев; *хьаттирду гьаргъуну бат хъусса лачин* – с обломанными крыльями исчезнувший сокол.

Анализ лексических средств вышеизложенного тематического блока (плачи матери по сыну) показал, что в структурном плане, как правило, плачи матери по сыну начинаются с проклятия в свой адрес – *Ттул арс, баба дирч1ивуй вил!* – Мой сын, пусть твоя мать умрет! Ранее в своей статье автором упоминалось [9, с. 157], что проклятия как жанр устно-поэтического творчества чаще всего связаны с женской речью. Но нельзя исключать тот факт, что мужчинам не свой-

ственно использование подобного рода выражений. Что же касается плачей и причитаний, то мы разделяем точку зрения профессора Х. М. Халилова [6, с. 50], который считает, что похоронные плачи лакцев – чисто женское творчество. Важно также отметить, что все лексико-семантические конструкции, изображающие образ усопшего, сопровождаются разнообразным набором имен существительных и прилагательных, довольно ярко передающих их образы.

Далее интерес представляют плачи сестры по брату (уссу ивк1у ссил зума). В данной тематической группе и в структурном, и в семантическом плане наблюдается схожесть при выражении скорби с плачами матери по сыну. В первую очередь необходимо отметить, что в структурном отношении плачи сестры по брату также содержат элемент проклятия в свой адрес, например:

Уссай, ссу бивч1ивуй , кьурвугу кьабукканна, Вил чурххан лархьхусса кьярти ххал кьахьун. Уссай, ссу бивч1ивуй , ина ац1ай ккурч1айн кьабуруганна, Виха лавхьху жагьил ххал кьахьун...	Брат, да умрет твоя сестра, и в поле не выйду, Чтоб не увидеть стебель, похожий на тебя. Брат, да умрет твоя сестра, не взгляну в сторону годекана, где ты стоял, Чтоб не увидеть молодца, похожего на тебя...
--	---

В плачах сестры по брату наблюдается возвеличение образа усопшего, при этом отображаются все его профессиональные способности, приведем примеры: *мусил кару дусса* – золотые руки (мастер на все руки); *мусил ярагьуннил усттар* – мастер золотых инструментов; *мусил гьанна биццай хьузалай* – землелепец, сеющий золотые семена. В исследуемой тематической группе можно также наблюдать описание одежды брата при помощи следующих дескриптивных единиц: *лялу лах1лах1ли ххаржсан* – на поясе упругий кинжал; *бак1рай бухар кьяпа* – на голове каракулевая шапка; *бак1рай кьалмукь кьяпа бавкьусса* – на голове калмыцкая шапка хорошо смотрится; *ччаннай кьирин чакмарду* – на ногах офицерские сапоги. Как видно, данный лексико-семантический пласт также передает традиционную исторически устоявшуюся форму одежды мужчины. Важно также отметить, что в плачах по брату восхваляются и его человеческие качества, причем только положительно окрашенные: *дустуравугу авкьусса* – ладящий с друзьями; *кьучагь уссу* – брат-храбрец; *арх1ал душвара-вугу исвагьисса* – и в окружении девушек привлекательный, и т.д. Плачи сестры по брату отличаются от остальных плачей разнообразием метафорических конструкций, изображающих усопшего в облике животного, птицы и даже в сравнении с драгоценными камнями, приведем примеры: *жул ч1ава аслан* – наш молодой лев; *авзиз кьиргьилул яру* – любимые

ястребиные глаза; *исвагьисса лачин чурх* – красивое соколиное тело; *ят1ул мусил лелуххи* – птица из красного золота; *алмас* – алмаз; *якьут* – рубин.

Изучая плачи жены по мужу (ивк1усса ласнаха), мы пришли к выводу, что данный лексический пласт имеет полярный семантический вектор в плане выражения скорби. Так, жена, оплакивая мужа, в первую очередь корит его за то, что он оставил ее и детей, сделал их сиротами, лишил кормильца:

Аман, ттул оьрч1ру ятин-тал циван бав?	Зачем же ты детей моих осиротил?
Аман, ттул талих1рал яру левшунни.	О, мои счастливые глаза потухли.
Щилли утти жун ччат1 булуннисса?	Кто теперь нас накормит?

Положительно окрашенные номинативные конструкции, характеризующие образ мужа в плачах жены, представлены следующими лексическими единицами: *ттул кьатлул магьигу, ч1ирагу* – крыша и стена моего дома; *ттул ттала* – моя опора, несущее бревно; *ттул т1ювалул хьунмагу, хьинмагу* – моего очага и главный и лучший. Свои чувства к мужу женщина выражает следующим образом: *ттул язима, ттул дак1гу, рух1гу* – мой избранный, моя душа и сердце; *ттул бак1рал заллу* – хозяин моей головы. Степень близости в отношениях с мужем проявляется через такие дескриптивные конструкции, как *ттул ласгу, дусгу, ххазинагу* – мой муж, друг, сокровище. В этом смысле интересно отметить тот факт, что, исследуя гендерно-маркированную лексику в похоронной поэзии лакцев, невозможно не обратить внимания на выражение *кьянкья бурчуйн лахьаву* – «ступить на высохшую шкуру», адресованное молодой вдове родственниками покойного мужа, упрашивающих ее дать обет до конца жизни не выходить замуж. Мы можем вполне справедливо судить о том, что данное выражение имеет гендерную направленность, так как в качестве референта выступает лицо женского пола (молодая вдова).

В гендерном аспекте довольно однообразно представлены плачи по невестке со стороны родственников мужа (арснал шарнихасса зума). Несмотря на положительно окрашенный фон используемых лексических средств в адрес невестки, важно отметить, что тематически они больше сфокусированы на описании ее работоспособности и трудолюбии, статуса в обществе, а также отношения общества к ней, например: *ч1ахурангу бусравсса* – соседями уважаемая; *циняв маччагьангу ххирасса* – всех родственников любящая; *жул циняннаха х1урматрай бивк1сса жалин* – всех почитающая наша невестка; *жул к1юрххия кьунниалнин зий кьабац1айсса жалин* – с утра до вечера работающая невестка и т.д. Как показал анализ,

при описании внешности и характера девушки возможно использование сравнительных конструкций с использованием зоонимов: *жул къакъунттул буцигу бусса жалин* – наша невестка с походкой куропатки; *жул къапландалул жангу дусса жалин* – наша невестка с львиным духом; *жул къукъухъхъи* – наша голубка. В отличие от гендерно-маркированных конструкций, представленных в плачах матери по сыну и жены (вдовы) по мужу, гендерно-маркированные конструкции в плачах по невестке используются с притяжательным местоимением *жул* – наша (в первых используется *ттул* – мой/моя), выражающим степень близости, родства, а также отношения родственников к усопшей.

Что касается плачей сестры по сестре (ссил, бивкисса ссахасса зума), важно отметить лексико-семантические параллели с плачами по невестке, поскольку в них также акцент делается на восхвалении наиболее почитаемых женских качеств, таких как трудолюбие, сноровка в ведении хозяйства, чистоплотность, а также отношение к ней в обществе, приведем примеры: *къатта-къуилий марцIшиву дай ссувай* – сестра, наводящая чистоту в доме; *чIиртту птерхха тIий хIулухIай ссувай* – умеющая до блеска белить стены сестра; *гъаттаралсса бувай исвагы* – за скотом смотрящая красавица; *усттарну чатIа бай ссувай* – мастерски кизяк готовящая сестра; *жул къатлул дукралул усттар* – мастерица по приготовлению еды в доме; *жул кIарттуву магырну ччатI биццай ссувай* – мастерски хлеб в тандыре выпекающая наша сестра.

Подводя итоги, еще раз отметим, что данный фольклорный жанр является чисто женским творчеством. Более того, вышеизложенный материал подтверждает тот факт, что языковая картина в похоронной поэзии лакцев имеет достаточно широкий лексико-семантический пласт с точки зрения гендера.

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук

Алиева Б. М., научный сотрудник отдела лексикологии и лексикографии

E-mail: zhanna_alieva@mail.ru

Использование большого количества положительно окрашенных гендерно-маркированных дескриптивных единиц при оплакивании усопшего, а также метафорических конструкций в полной мере раскрывает исторический и культурный образ человека, определяет его положение в метагендерном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сулейманова К. Г. Локальные особенности обрядовой поэзии аварцев : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. Г. Сулейманова. – Махачкала, 2002. – 180 с.
2. Базанов В. Г. Обряды и поэзия : доклад на V Междунар. съезде славистов / В. Г. Базанов. – София, 1963. – С. 233.
3. Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока : Свадебная версификация / сост. : Р. Потанина, Н. Леонова, Л. Фетисова. – М. : Наука, 2002. – 552 с.
4. Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия / К. Т. Самородов. – Саранск, 1980.
5. Услар П. К. Кое-что о словесности горцев / П. К. Услар. – ССКГ : Тифлис, 1868. – Вып. I. – С. 154.
6. Халилов Х. М. Устное народное творчество лакцев / Х. М. Халилов. – Махачкала, 2004. – 324 с.
7. Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа : сб. ст. / сост. А. М. Аджиев. – Махачкала, 1985. – 173 с.
8. Алиева Б. М. Гендерные особенности употребления ласковых форм обращения к ребенку в лакском и русском языках / Б. М. Алиева, Х. М. Халилов // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2010. – № 36. – С. 101–104.
9. Алиева Б. М. Анализ выражений со значением недоброго пожелания в лакском языке : гендерный аспект // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2013. – № 52. – С. 153–157.

Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa of the Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences

Aliieva B. M., Researcher of Lexicology and Lexicography Department

E-mail: zhanna_alieva@mail.ru